

ПОСЛЕДНИЙ
ПРОТОКОЛ

СТЕЙСИ НИКОЛЕЙН

СИСТЕМА НЕ РАЗРУШЕНА.
ОНА ПРОСТО СМЕНИЛА ФОРМУ.

Стейси Николейн

Последний протокол

Серия «Тени личности», книга 2

<https://litres.ru/74371004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда любовь не спасает. Иногда она заставляет пройти через ад.

После побега из лаборатории Эмма, Артур, Лили и Итан пытаются начать новую жизнь, но прошлое не отпускает так легко. За стенами разрушенной системы всё ещё остаются страх, вина и люди, привыкшие считать человеческие чувства слабостью. Пока Лили отчаянно пытается вернуть себе дочь, Итан всё больше понимает: некоторые кошмары невозможно пережить — их можно только остановить.

Им предстоит сделать выбор между мстью и свободой, между болью прошлого и шансом на будущее. Но самое страшное в этой истории — не эксперименты, не тайны лаборатории и даже не человек, создавший её.

Самое страшное — понять, сколько любви нужно человеку, чтобы снова захотеть жить.

«Последний протокол» — эмоциональный психологический триллер о потере, семье, сломленных людях и о том, что даже

после самых тёмных ночей человек всё ещё способен найти дом
в другом человеке.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стейси Николейн

Последний протокол

Глава 1

Эмма не спала, и это было совсем не той привычной бессонницей, в которой просто не приходит сон, а тело устало просит отдыха. Это было состояние гораздо глубже и тяжелее, словно внутри неё что-то перестало подчиняться естественным ритмам, застряло в одном — единственном моменте и теперь снова и снова возвращало её туда, не позволяя ни отвлечься, ни убедить себя, что увиденное можно объяснить, упростить или хотя бы отложить на потом.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, не двигаясь, точно любое, даже самое незначительное движение могло нарушить хрупкое равновесие, в котором она ещё держалась, и вместе с тем — сделать воспоминание острее, чётче, болезненнее, превратив его из мысли в почти осязаемую реальность, от которой уже нельзя будет спрятаться.

Перед внутренним взглядом снова возникал тот самый момент, не обрывками, а удивительно ясно, до деталей, которые она не пыталась запоминать, но которые почему — то врезались в память с пугающей точностью: свет в кофейне, чужие голоса, движение людей, и среди всего этого — Сара.

Та же, и в то же время совсем другая.

Её взгляд, в котором не осталось ни одного знакомого оттенка, ни той живой искры, к которой Эмма привыкла, ни даже сомнения, которое могло бы дать надежду — только пустота, словно перед ней стоял человек, с которым у неё никогда не было общего прошлого, не было воспоминаний, разговоров, смеха, ничего из того, что ещё недавно казалось неразделимым.

Эмма на мгновение закрыла глаза, надеясь хотя бы на секунду вырваться из этого повторяющегося круга, но сразу же открыла их снова, потому что в темноте всё становилось ещё отчётливее, ещё ближе — она снова оказывалась там, среди приглушённых голосов, у окна, в нескольких шагах от человека, к которому шла не понимая, что на самом деле приближается не к спасённой подруге, а к доказательству того, что всё, через что они прошли, не закончилось, а лишь на время сделало вид, что исчезло.

Мысль о Лили пришла неожиданно. Эмма медленно вдохнула, чувствуя, как воздух застревает где-то в груди, не доходя до конца, не давая облегчения.

Она представила её — не в том подzemелье, не рядом с холодным телом Сары, не в той тишине, которая разрывала изнутри, а сейчас — живую, настоящую, с этим тихим, осторожным светом в глазах, который появился совсем недавно, **казалось бы, что** после долгой зимы внутри неё наконец началась весна.

Она только начала улыбаться по-настоящему, начала говорить без пауз, без этого напряжения между словами. Только снова начала... жить.

И именно поэтому Эмма не знала, как сказать ей. Потому что это было не просто новостью, это было чем-то, что разрушает.

Если она скажет...

Если даст этим словам стать реальностью не только для себя, но и для Лили...

То всё, что они так отчаянно пытались собрать по кусочкам, снова рассыплется.

И, возможно, на этот раз — окончательно.

Эмма опустила взгляд на свои руки, сжав их чуть сильнее, чем нужно, как будто в этом напряжении можно было удерживать решение, отложить его, выиграть хоть немного времени.

Но времени, как всегда, не было.

Телефон рядом тихо завибрировал, и этот звук показался громким в тишине комнаты — резким, точно кто-то извне внезапно вторгся в её мысли.

Она вздрогнула.

Артур.

Сердце на мгновение сбилось с ритма. Она приняла вызов.

— Эмма.

Его голос прозвучал сразу, но в этой ровности чувства

лось напряжение — неуловимое, спрятанное между интонациями, в паузах, в том, как он произнёс её имя, чуть медленнее, чем обычно, вслушиваясь не только в ответ, но и в тишину между словами.

Он уже понял.

Ещё до того, как она что-то сказала.

— Ты не спишь, — это было не вопросом, а утверждением.

Эмма слабо усмехнулась, хотя в этом звуке не было ни капли лёгкости.

— Нет, — тихо ответила она.

Артур не стал ждать.

— Что случилось?

И снова — без лишних слов.

Эмма закрыла глаза на секунду, чувствуя, как слова застревают где-то внутри, не желая выходить наружу, потому что, как только они прозвучат, всё станет реальным.

— Я... — она замолчала, собираясь с силами, но продолжать оказалось сложнее, чем она ожидала.

Слишком сложно.

— Эмма, — его голос стал чуть жёстче, но не грубым — собранным, внимательным, таким, каким он становился, когда понимал, что ситуация выходит за рамки обычного.

В этот момент она окончательно поняла — скрыть не получится.

Он уже чувствует, что что-то не так.

— Я видела её, — сказала она наконец, почти шёпотом, боясь, что даже стены могут услышать.

Тишина на том конце линии стала плотнее.

— Кого? — спросил он, но это было скорее формальностью.

Эмма сжала телефон крепче.

— Сару.

— Где ты? — теперь его голос был другим.

— Дома, — ответила Эмма.

— Хорошо, — сказал он сразу, без колебаний.

— Никуда не уходи. Я сейчас приеду.

Звонок оборвался так же быстро, как начался.

Эмма медленно опустила телефон, не сразу осознавая, что разговор уже закончился. В комнате снова стало тихо.

Машина остановилась резко, и этот звук — короткий, глухой, почему-то показался Эмме чрезмерно реальным, словно именно он окончательно отделил «до» от «после».

Она не сразу вышла, на секунду замерла у двери, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный узел, думая, что стоит ей выйти, и реальность догонит её окончательно.

Она открыла дверь.

Артур уже вышел из машины и стоял рядом — напряжённый, собранный, с тем самым выражением лица, которое она знала хорошо.

Он подошёл к ней сразу.

Его ладони легли ей на плечи и на мгновение она про-

сто замерла, не в силах ни отстраниться, ни сделать шаг навстречу.

А потом он притянул её к себе и поцеловал, казалось, что этим жестом пытался вернуть её в реальность, заземлить, убедиться, что она здесь.

Эмма закрыла глаза, на секунду позволяя себе раствориться в этом ощущении, в этой простой, понятной близости, которая была единственным, что ещё казалось настоящим.

Когда он отстранился, его рука не отпустила её.

Пальцы переплелись с её.

— Ну давай, — тихо сказал он, глядя прямо в её глаза. — Рассказывай.

Эмма сглотнула.

Слова снова казались тяжёлыми, чужими, как будто их приходилось вытаскивать изнутри силой.

— Я была в кофейне... — начала она медленно, сбиваясь, словно каждый следующий фрагмент воспоминания сопротивлялся.

Она замолчала на секунду, собираясь.

— Я увидела её.

Артур не перебивал.

Только слегка сжал её руку, давая понять, что он здесь, что слушает.

— Это была она, — продолжила Эмма уже быстрее, почти сбивчиво. — Та же... лицо... движения... всё. Но... — её

голос дрогнул.

— Она смотрела на меня так, ... будто никогда меня не знала.

Она отвернулась, не выдержав собственного воспоминания.

— Ни одной эмоции, Артур... ничего... просто пустота...

— Мне показалось, что это не она, — тихо закончил он за неё.

Эмма резко посмотрела на него.

— Но это она, — почти отчаянно сказала она.

— Я уверена. Я не могла ошибиться. Это была Сара.

— Как это возможно?.. — прошептала она, и в этом вопросе было больше, чем просто непонимание.

Артур отвёл взгляд на секунду, собираясь с мыслями, а потом снова посмотрел на неё.

— Возможно, — сказал он медленно, — если она перестала быть... собой.

Эмма замерла.

— Что ты имеешь в виду?..

Он сделал короткий вдох.

— Если говорить прямо... — его голос стал холоднее, ровнее. — значит, Сара стала сосудом.

Слово повисло в воздухе.

Эмма даже не сразу поняла его смысл.

— Сосуд?.. — переспросила она едва слышно.

— Для кого-то другого, — добавил Артур.

И теперь всё стало хуже.

— Нет... — выдохнула она, качнув головой, пытаясь физически оттолкнуть эту мысль. — Нет, это... это невозможно...

— Это именно то, чем они занимались, — тихо напомнил он.

Каждое слово звучало как удар.

— Но... она умерла... — голос Эммы сорвался. — Мы видели... мы...

Артур смотрел на неё внимательно.

Очень внимательно.

— Ты уверена? — спросил он тихо.

Эмма замерла.

В этот момент воспоминание — настоящее, не искажённое страхом, вдруг всплыло чётко.

Тоннель, вода, кровь...и хаос.

Они не проверяли, не возвращались и даже не искали.

— Нет... — прошептала она уже иначе.

— Мы... мы не...

Голос дрогнул окончательно, а слёзы подступили резко.

— Мы её оставили... — выдохнула она, и в этих словах было всё — вина, страх, отчаяние.

— Мы просто... ушли... мы даже не... не убедились...

Она закрыла лицо руками, не в силах сдержаться.

— А вдруг она была жива?... — слова вырывались обрывками.

— Вдруг... её можно было спасти?.. Мы даже не пытались... мы поверили, что всё... что это конец...

Слёзы текли свободно, горячие, почти болезненные.

— Это я виновата... — прошептала она.

— Я... я должна была...

Артур резко притянул её к себе, обрывая этот поток.

— Нет, — сказал он твёрдо, у самого её виска.

Эмма попыталась вырваться.

— Я могла —

— Нет, Эмма, — повторил он, чуть отстраняясь, но не отпуская. — Слушай меня.

Она подняла на него взгляд — заплаканный и потерянный.

— Ты не могла ничего сделать, — сказал он спокойно, но с такой уверенностью, что слова прозвучали как факт.

— Вы были в шоке, в темноте. После всего, что произошло.

Он провёл пальцами по её щеке, стирая слёзы.

Эмма замерла.

— Это не случайность, — продолжил он. — Это план.

Его пальцы всё ещё держали её руку.

— И если Сара жива... — он сделал короткую паузу, — значит, у нас есть шанс.

Эмма посмотрела на него сквозь слёзы.

— Шанс?..

— Найти её и узнать всю правду, — ответил он.

И впервые за всё это время в его голосе прозвучало не только холодное понимание, но и решимость.

Слова Артура всё ещё звучали внутри неё, глухо отдаваясь где-то на границе сознания «у нас есть шанс», но, вопреки этой почти спасительной мысли, Эмма всё яснее ощущала, как из глубины поднимается нечто другое, более тяжёлое и неизбежное, то, что невозможно заглушить ни логикой, ни надеждой, ни даже страхом.

Она понимала это отчётливо, что нельзя ждать и точно нельзя делать вид, что ещё есть время.

Нельзя защищать Лили молчанием, которое на самом деле ничем не отличается от лжи.

Эмма резко выдохнула, выталкивая из себя последние остатки сомнений, и в этом выдохе было больше решения, чем в любых словах, потому что оно рождалось не в мыслях, а гораздо глубже — там, где уже невозможно отступить.

— Мне нужно к Лили, — сказала она, и хотя голос прозвучал тише, чем ей хотелось, в нём уже не осталось колебаний.

Артур слегка нахмурился, не отводя от неё внимательно-го, почти изучающего взгляда, в котором читалось не несогласие, а попытка просчитать последствия.

— Сейчас? — спросил он, спокойно, но с едва заметным напряжением.

Эмма быстро кивнула, боясь, что если задержится хотя бы на мгновение, если позволит себе подумать ещё раз, то

сомнение снова найдёт путь внутрь.

— Я не могу... — начала она, но слова на секунду застряли, и вместо объяснения она лишь покачала головой, точно это движение могло сказать больше, чем любые формулировки. — Я не могу это скрывать от неё.

В её взгляде появилось что-то новое — не паника, не растерянность, не тот страх, который парализует, а твёрдость, к которой она сама ещё не успела привыкнуть, но которая уже не позволяла отступить.

— Она имеет право знать, — добавила Эмма уже увереннее, крепче сжимая его ладонь, словно это прикосновение помогало удерживать равновесие.

— Это касается её не меньше, чем меня.

Артур не ответил сразу.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он наконец, без давления, но с той серьёзностью, от которой невозможно отмахнуться.

Эмма встретила его взгляд и не отвела его.

— Да.

И хотя это было всего одно слово, в нём чувствовалась вся тяжесть — страх за Лили, вина за прошлое, сомнение в собственных решениях, и всё равно — выбор, который она уже сделала.

— Она только начала приходить в себя, — тихо сказал Артур, и в его голосе впервые прозвучало не просто понимание, а осторожность.

— Если ты скажешь ей сейчас...

— Если я не скажу, будет хуже, — перебила Эмма, и её голос дрогнул, но не сломался, потому что за этими словами стояла правда, от которой она больше не собиралась прятаться.

Повисла короткая пауза, в которой, несмотря на её краткость, что-то окончательно определилось, словно решение, до этого ещё зыбкое, вдруг обрело форму.

— Я уже один раз промолчала, — продолжила она тише, опуская взгляд, будто сама не могла выдержать тяжести этого признания. — Тогда, когда мы решили, что Сара... что всё закончилось.

Она сжала губы, стараясь удержать поднимающуюся волну, но в этом усилии было больше боли, чем контроля.

— Я больше не хочу ошибаться так же.

Артур медленно выдохнул, и в его взгляде появилось то самое понимание, которое не требует объяснений, потому что оно возникает не из логики, а из опыта.

Он кивнул — едва заметно, но этого было достаточно.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Поехали.

Эмма на мгновение закрыла глаза, собирая остатки сил перед следующим шагом, который уже нельзя будет отменить, а затем так же тихо кивнула в ответ.

Они сели в машину, и звук захлопнувшейся двери прозвучал глухо, отсекая внешний мир, но не принося привычного чувства защищённости, потому что тишина внутри ста-

ла другой — наполненной ожиданием, напряжением и словами, которые совсем скоро придётся произнести.

Двигатель мягко ожил, и Артур вывел машину на дорогу без спешки, но и без замедления.

Эмма смотрела в окно, но почти ничего не различала — огни, дома, силуэты растворялись в движении, теряли форму, становились чем-то размытым и незначительным, потому что весь смысл был впереди.

Там, где её ждала Лили.

Её пальцы всё ещё едва заметно дрожали, и она сжала их сильнее, пытаясь хотя бы так удержать себя от внутреннего распада.

— Она не поверит... — произнесла Эмма почти шёпотом, не отрывая взгляда от стекла.

Артур бросил на неё короткий взгляд, в котором не было сомнения.

— Поверит, — сказал он спокойно. — Если это скажешь ты.

Эмма едва заметно покачала головой, и в этом движении было больше усталости, чем несогласия.

— Я сама в это не верю...

Машина на мгновение замедлилась перед поворотом, и это едва заметное изменение ритма странным образом отозвалось внутри, словно даже время на секунду замешкалось, не решаясь двигаться дальше.

— Тогда не пытайся убедить, — сказал Артур после ко-

роткой паузы. — Просто расскажи.

Эмма тихо усмехнулась, но в этом звуке не было ни капли лёгкости.

Она ничего не ответила, потому что слов больше не осталось.

Они были перед дверью, которую ей придётся открыть, и за которой всё снова изменится.

Машина мягко скользила по пустой дороге, и этот равномерный, убаюкивающий ритм движения странным образом контрастировал с тем хаосом, который творился у Эммы внутри, словно внешний мир упрямо отказывался подстраиваться под её состояние, продолжая жить своей обычной, спокойной жизнью.

Город уже почти спал.

Редкие машины проносились мимо, оставляя за собой короткие полосы света, витрины магазинов были тёмными, а окна домов — тускло освещёнными, и в этих случайных квадратах света угадывались чужие жизни, чужие вечера, в которых не было ни страха, ни этой удушающей неопределённости.

Эмма смотрела в окно, не моргая, пытаясь зацепиться взглядом хоть за что-то настоящее, устойчивое, но всё, что она видела, ускользало — отражения, огни, размытые силуэты деревьев и зданий, которые на мгновение появлялись и тут же исчезали, не оставляя после себя ничего, кроме ощущения пустоты.

Стекло отдавало лёгким холодом, и она машинально при-слонилась к нему виском, позволяя этой прохладе немного остудить разгорячённые мысли, но даже это не приносило настоящего облегчения, потому что внутри всё продолжало двигаться быстро, хаотично, не давая ни секунды покоя.

Иногда ей казалось, что она снова видит отражение — не своё.

Тёмный силуэт, смазанный движением.

И каждый раз сердце на мгновение замирало, прежде чем разум успевал догнать и объяснить, что это всего лишь игра света, всего лишь отражение проезжающих мимо фар.

Но ощущение не исчезало, за этой обычной дорогой, за привычным ночным городом скрывалось что-то ещё.

Что-то, что уже однажды вышло за пределы и больше не собиралось возвращаться обратно.

Эмма медленно выдохнула, не отрывая взгляда от стекла, и в этом движении было больше попытки удержаться, чем успокоиться, потому что чем ближе они становились к дому Лили, тем отчётливее она понимала — назад дороги нет.

И впереди их ждёт не просто разговор, а новая точка, после которой всё окончательно изменится.

Эмма на мгновение закрыла глаза, пытаясь хотя бы на секунду отгородиться от происходящего, а затем медленно выпрямилась, отрываясь от холодного стекла, которое так и не смогло дать ей ни ясности, ни покоя, оставив после себя лишь ощущение пустоты и лёгкого онемения.

Решение уже было принято, и она это чувствовала с пульсирующей определённойостью, как чувствуют вещи, которые уже невозможно отменить, остаётся только двигаться вперёд, даже если каждый следующий шаг даётся с усилием.

Ей нужно было сделать всего одно действие — простое, механическое, но именно оно казалось самым сложным, потому что именно за ним начиналась новая реальность.

Она медленно потянулась за телефоном. Номер Лили был в быстрых контактах. Эмма смотрела на экран чуть дольше, чем требовалось, как если бы эти несколько лишних секунд могли что-то изменить, дать ей возможность найти другие слова, более мягкие, менее разрушительные, такие, которые не разобьют то хрупкое равновесие, которое Лили только начала обретать.

Но она знала — таких слов не существует.

И всё равно медлила, потому что понимала: как только Лили ответит, всё закончится, без возможности отступить или сделать вид, что ничего не произошло.

Тихо выдохнув, Эмма всё же нажала вызов, и в этот момент тишина в машине стала напряжённой.

Гудки тянулись медленно, один за другим, и каждый следующий казался длиннее предыдущего, точно время намеренно растягивалось, предоставляя ей последнюю возможность передумать, но она не сбросила, напротив — сжала телефон чуть крепче, боясь, что вместе с ним может выскользнуть и её решимость.

Когда на том конце раздался щелчок, сердце на мгновение сбилось с ритма.

— Да? — голос Лили прозвучал сонно и мягко, с той лёгкой растерянностью, которая появляется, когда человека вырывают из привычной тишины неожиданным звонком, и от этого простого, живого звучания Эмме стало только тяжелее.

Она на секунду закрыла глаза, собирая себя, удерживая эмоции, которые уже начинали подниматься быстро, не давая им прорваться раньше времени.

— Лили... — тихо сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё уже начинало рушиться.

Короткая пауза повисла между ними, и Эмма поспешила продолжить, не давая себе возможности остановиться.

— Мы скоро будем, — добавила она чуть быстрее, чем планировала. — Через пять минут.

На том конце повисла тишина, и эта пауза мгновенно изменилась, стала настороженной, внимательной, словно Лили уже почувствовала, что за этими словами скрывается нечто большее.

— Эмма?... — в её голосе появилось напряжение. — Что случилось?

Эмма сжала губы, ощущая, как слова подступают, но пока не находят выхода, застревая где-то внутри, потому что сказать их сейчас, по телефону, означало бы лишить себя и Лили последнего момента перед тем, как всё изменится.

— Нам нужно поговорить, — сказала она тихо, и в этих

словах было больше смысла, чем в любом объяснении.

Этого оказалось достаточно.

Лили не стала задавать лишних вопросов, не стала настаивать, и после короткой паузы произнесла только:

— Я открою.

Звонок оборвался, и этот звук показался неожиданно резким, словно окончательно закрепил то, что уже невозможно отменить.

Эмма медленно опустила телефон, не сразу убирая его от уха, будто пыталась удержать этот момент ещё немного, растянуть границу между «сейчас» и тем, что ждёт их впереди.

В машине снова воцарилась тишина, но теперь она была другой — не пустой, а наполненной напряжением, которое ощущалось почти физически.

— Она поняла, — тихо сказала Эмма, не поворачиваясь к Артуру.

Он лишь кивнул, не отрывая взгляда от дороги, и в этом коротком, почти незаметном движении было больше, чем в словах.

Глава 2

Лили очень быстро открыла дверь, и создалось впечатление, что она стояла за дверью всё это время, не отходя ни на шаг, и Эмма на мгновение поймала себя на странном ощущении, что та уже ждала не их появления, а именно этих слов, которые ещё даже не были произнесены.

Она выглядела иначе, чем раньше — более собранной и спокойной внешне, но это спокойствие было хрупким, как тонкий слой льда над водой, под которым всё равно чувствовалось напряжение, готовое прорваться в любую секунду.

Рядом с ней стоял Итан, и его присутствие добавляло в картину ещё одно напряжение, более тихое, но не менее ощущаемое — он не задавал вопросов сразу, не торопился говорить, только смотрел на Эмму так, словно уже пытался сопоставить её лицо с тем, что она сейчас принесла с собой.

Они молча зашли внутрь.

Дом Лили был таким же, как раньше — тёплым, с мягким светом лампы и привычными деталями, которые обычно успокаивают, но сейчас всё это, наоборот, казалось неуместным на фоне того, что Эмма принесла с собой в эту тишину.

Они сели за стол, но никто не начинал разговор.

Лили сложила руки перед собой, не глядя ни на кого прямо, Итан чуть откинулся на спинку стула, но напряжение в его позе никуда не исчезло, а Артур сел рядом с Эммой так,

чтобы она чувствовала его присутствие, как опору, если она вдруг сорвётся.

И всё равно говорить оказалось сложнее, чем она думала.

Эмма смотрела на стол, на свои пальцы, на маленькие детали, за которые можно было зацепиться взглядом, лишь бы не встречаться глазами с Лили, потому что именно это было самым трудным — не слова, а реакция на них.

— Я... — начала она и сразу замолчала, потому что голос прозвучал хрупко даже для неё самой.

Лили чуть подняла голову.

— Эмма, — тихо сказала она, и в этом было не давление, а просьба. — Просто скажи.

Эмма глубоко вдохнула.

И на этот раз не отступила.

— Я видела Сару, — сказала она.

Лили не сразу отреагировала.

Сначала было короткое непонимание в глазах, затем едва заметное движение бровей, точно мозг отказывался связывать услышанное с реальностью.

Итан напрягся.

— Что значит «видела»? — спросил он наконец, но голос был уже настороженным.

Эмма сглотнула.

— В кофейне, — тихо продолжила она. — Я просто... и она вошла. Сначала я даже не поняла, что это она, потому что... это была она и не она одновременно.

Она на секунду замолчала, пытаясь подобрать слова, но они всё равно звучали слабо для того, что она пыталась объяснить.

— Она выглядела точно так же, — добавила Эмма тише.

— Но в ней... не было ничего знакомого. Ни взгляда, ни эмоций, ни того, что я знала в ней раньше. Она смотрела на меня как на незнакомца.

Лили медленно выдохнула.

И только сейчас в её лице начало появляться что-то новое — не просто удивление, а тревога, которая медленно вытесняла всё остальное.

— Это... невозможно, — тихо сказала она, скорее себе, чем им.

Артур наконец заговорил:

— Мы тоже так думали.

В этих словах было больше веса, чем в любом объяснении.

Эмма опустила взгляд снова, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Я не понимаю, как это возможно, — сказала она честно, и голос на этот раз дрогнул сильнее.

— Я не понимаю, как человек, которого мы видели... как... как она может просто... быть там, как будто ничего не было.

Итан слегка наклонился вперёд, опираясь локтями о стол, и его взгляд стал ещё сосредоточеннее.

— Ты уверена, что это была она? — спросил он тише, чем

раньше, но эта сдержанная интонация выдавала, насколько серьёзно он воспринимает происходящее.

Эмма медленно подняла на него взгляд, и в этом взгляде не было ни колебаний, ни попытки уйти от ответа, потому что она уже прошла через этот вопрос внутри себя и знала ответ хорошо.

— Да, — сказала она.

И это короткое слово прозвучало так уверенно, что не оставило пространства для сомнений.

После этого повисла пауза — долгая, тяжёлая, наполненная тем напряжением, в котором слова уже не нужны, потому что все присутствующие начинают понимать, к чему всё ведёт, даже если ещё не готовы это принять.

Артур перевёл взгляд с Эммы на Лили, и в его лице появилась сосредоточенность, которая всегда означала одно... дальше будет правда, какой бы она ни была.

— Это значит, что её не просто вывели, — сказал он тихо, и его голос был спокойным, но в этом чувствовалась жёсткость, за которой стояло понимание.

Он на секунду замолчал, давая им возможность осознать уже сказанное, прежде чем продолжить, потому что следующие слова нельзя было смягчить.

— Её использовали.

Лили резко подняла голову, и это движение было быстрым, рефлекторным.

— Что?.. — выдохнула она, не веря.

Артур не отвёл взгляда и не стал смягчать формулировки, потому что в этом больше не было смысла.

— Сара была идеальным сосудом, — сказал он спокойно, но в этом спокойствии не было ничего утешающего, только холодная, чёткая констатация факта.

— Для переноса, для замены, для системы, которая не оставляет человека тем, кем он был, а превращает его в нечто другое, сохраняя лишь оболочку.

Тишина, которая последовала за этими словами, изменилась.

Она перестала быть просто напряжённой и стала завершённой, точно в этот момент между прошлым и настоящим провели чёткую границу, которую уже невозможно стереть.

Лили побледнела, и на её лице отразилось то самое внутреннее сопротивление, когда человек ещё пытается удержаться за прежнюю картину мира, даже понимая, что она рушится.

— Нет... — выдохнула она неслышно, качнув головой.

— Это... нет, вы ошибаетесь...

Но в её голосе уже не было прежней уверенности, только отчаянная попытка остановить происходящее, не дать словам стать реальностью.

Эмма почувствовала, как внутри снова поднимается боль — резкая, знакомая, та самая вина, которая не отпускала её с момента звонка и теперь разрасталась, заполняя всё пространство внутри.

— Мы не искали её, — сказала она тихо, и голос всё-таки сорвался, не выдержав напряжения.

— Мы решили, что всё закончилось, что она... что мы её потеряли, и просто... приняли это.

Она опустила взгляд, не в силах выдержать ту тяжесть, которая стояла за этими словами.

Лили резко посмотрела на неё, и в её взгляде одновременно отразились страх, неверие и та боль, которая только начинала подниматься, ещё не оформленная, но уже неизбежная.

— Эмма... — прошептала она, и в этом шёпоте было больше, чем вопрос.

— Что ты говоришь?..

Слова повисли в воздухе, не растворяясь, не смягчаясь со временем, а наоборот — становясь только тяжелее, создавалось впечатление, что сама тишина вокруг удерживала их, не позволяя никому из них сделать вид, что ничего не произошло.

Лили медленно откинулась на спинку стула, не отрывая взгляда от Эммы, и в этом взгляде теперь было уже не просто непонимание, а болезненное, почти отчаянное стремление найти хоть какое— то опровержение, хоть малейшую деталь, за которую можно зацепиться и сказать — это ошибка.

— Нет... — повторила она тише, качнув головой, но это движение выглядело уже неуверенным, точно она пыталась убедить не их, а себя.

— Нет, это невозможно... если бы она была жива, мы бы

знали... мы бы почувствовали...

Её голос начал сбиваться, теряя прежнюю устойчивость.

Итан рядом с ней напрягся ещё сильнее, его пальцы сжались в замок на столе, и хотя он по-прежнему молчал, было видно, как быстро он пытается сложить в голове всё услышанное в хоть какую— то логическую цепочку.

— Ты с ней говорила? — спросил он наконец, переводя взгляд на Эмму.

Эмма медленно покачала головой.

— Нет... я не успела... или... — она запнулась, и воспоминание снова всплыло ясно. — Она посмотрела на меня так, будто я просто... посторонний человек. Словно меня никогда не было в её жизни.

Лили резко вдохнула, и этот звук прозвучал почти болезненно.

— Нет... — уже тише сказала она, и в этом «нет» не осталось силы.

Артур чуть подался вперёд, его голос, когда он заговорил, был спокойным, но в нём чувствовалась та самая собранность, которая появляется, когда эмоции отступают перед необходимостью действовать.

— Лили, — сказал он мягче, чем раньше, но всё так же прямо.

— Мы не утверждаем это просто так. Мы уже видели, на что способна эта система.

Он сделал короткую паузу, давая ей возможность услы-

шать смысл, а не только слова.

— Если они смогли сохранить её тело... если они вмешались раньше, чем мы думали... тогда для них это не проблема.

Лили медленно перевела взгляд на него.

— Но это уже не она, — прошептала она, и в этих словах было больше страха, чем вопроса.

Никто не ответил сразу, потому что ответ был очевиден.

Эмма почувствовала, как внутри снова поднимается дрожь, и, не выдержав, тихо сказала:

— Я не знаю... — её голос сорвался. — Я правда не знаю, есть ли там хоть что-то от неё... но это была Сара, Лили.

Лили закрыла глаза, слёзы выступили быстро.

— Мы оставили её... — прошептала она, и голос стал совсем тихим, надломленным. — Мы просто... ушли...

Итан повернулся к ней, сразу, без раздумий, его рука легла поверх её ладони, крепко, почти инстинктивно.

— Ты не знала, — сказал он тихо, но уверенно. — Никто из нас не знал.

Лили покачала головой, не открывая глаз.

— Это ничего не меняет...

Эмма почувствовала, как эти слова отзываются внутри болезненно, потому что именно так она сама думала всё это время.

Артур посмотрел на них обоих, затем снова на Эмму, и в его взгляде появилась решимость.

— Сейчас важно не это, — сказал он твёрдо, но без резкости.

— Раз она жива — у нас есть шанс её найти.

Лили открыла глаза, и в них всё ещё была боль.

— Найти?.. — повторила она тихо.

— Да, — ответил Артур.

— И понять, на какой она стадии.

Лили сжала пальцы Итана чуть сильнее и перевела взгляд на Эмму.

— Я хочу поехать с вами, — сказала Лили вдруг, и голос её прозвучал тише, чем раньше, но в нём появилась твёрдость, которой ещё несколько минут назад не было.

— Если есть шанс найти её... я не останусь здесь.

Эмма подняла на неё взгляд, в котором смешались удивление и что-то ещё —облегчение, потому что это решение было знакомым, понятным, таким же, каким оно было бы у неё самой.

Но ответить она не успела.

— Нет, — резко сказал Итан.

Все взгляды сразу повернулись к нему.

Он сидел чуть напряжённее, чем раньше, его пальцы всё ещё держали руку Лили, но теперь в этом прикосновении была не только поддержка, но и попытка остановить.

— Ты никуда не поедешь, — добавил он уже тише, но не менее жёстко.

Лили повернула к нему голову медленно, как будто сна-

чала не поверила, что он это сказал.

— Итан...

— Тебе нельзя нервничать, — перебил он, и в его голосе появилось то напряжение, которое он до этого старательно сдерживал.

Эмма нахмурилась, не понимая.

— В каком смысле «нельзя»? — тихо спросила она, переводя взгляд с него на Лили.

На секунду повисла пауза, та самая, в которой что-то скрытое становится почти осязаемым.

Лили опустила взгляд, и в этом движении было больше, чем просто усталость.

Она собиралась с силами, но не для того, чтобы спорить, а для того, чтобы сказать.

— Я... — начала она тихо, и голос сразу дрогнул.

Итан чуть сжал её руку.

— Не надо сейчас...

Она покачала головой, едва заметно, но упрямо, и подняла взгляд снова — сначала на него, потом на Эмму.

— Нет, надо.

— Я вчера была у врача, — сказала Лили, и каждое слово давалось ей с усилием, словно она проговаривала их впервые даже для себя. — И...

Она замолчала на секунду, будто это «и» оказалось самым тяжёлым.

— Я беременна.

Эмма замерла, не сразу осознавая услышанное, точно смысл слов дошёл до неё с задержкой.

— Что?.. — выдохнула она, почти шёпотом.

Лили смотрела на неё, и в её глазах смешалось всё — страх, растерянность, слабая, ещё не оформленная радость и та самая уязвимость, которую невозможно скрыть.

— Я сама узнала только вчера, — тихо добавила она.

— Я даже... не успела это нормально осознать.

Эмма медленно опустила взгляд на её руки, потом снова подняла глаза, и теперь в её лице читалось уже не недоумение, а что-то гораздо сложнее — понимание, страх за неё, и одновременно новая, неожиданная ответственность.

Итан тихо выдохнул, будто наконец позволил себе это сделать.

— Поэтому ты никуда не поедешь, — сказал он уже спокойнее, но в этой спокойности всё равно звучала твёрдость.

Лили на секунду закрыла глаза, и слёзы, которые она до этого сдерживала, наконец сорвались.

— А как я могу не поехать?.. — прошептала она, и голос её сломался.

— Это Сара...

Эмма почувствовала, как внутри неё что-то сжимается, но уже совсем иначе, не той болезненной тяжестью, что была до этого, а каким-то новым, непривычным чувством, в котором страх, растерянность и внезапное тепло переплелись так тесно, что на секунду она просто потерялась в этом контра-

сте, не понимая, как можно одновременно переживать всё это сразу.

Она посмотрела на Артура, ища в его взгляде подтверждение реальности происходящего, затем перевела взгляд на Лили, и в этот момент что-то внутри неё окончательно изменилось — напряжение не исчезло, но к нему добавилось другое, светлое, почти невозможное в этой ситуации чувство, которое пробивалось сквозь всё остальное.

— Лили... — выдохнула она, и в этом тихом обращении было уже не только потрясение, но и искренняя, почти детская радость.

Не успев подумать, не дав себе времени на анализ, Эмма резко поднялась со стула и шагнула к ней, а затем, почти срываясь в движение, обняла её крепко, по-настоящему, и этим объятием пыталась удержать всё хорошее, что вдруг появилось среди хаоса.

— Это... это же... — она даже не смогла сразу договорить, только тихо рассмеялась сквозь подступающие слёзы.

— Лили, это невероятно...

Лили на секунду замерла, не ожидала такой реакции, а потом её плечи чуть расслабились, и она тоже обняла Эмму в ответ, осторожно, но уже с лёгкой улыбкой, которая впервые за всё это время была по-настоящему живой.

Эмма отстранилась, но не ушла далеко, её взгляд вдруг опустился ниже, и в следующую секунду она, не сдержавшись, почти по-детски опустилась перед Лили, осторожно

положив ладони на её живот, словно там уже можно было почувствовать что-то большее.

— Так... — тихо сказала она, наклоняясь ближе, и в её голосе появилась мягкость, которой не было раньше.

— Привет... ты там вообще понимаешь, в какой семье собираешься появиться?..

Лили не выдержала и тихо рассмеялась, и этот смех прозвучал неожиданно легко, разрезая напряжение, которое до этого висело в комнате.

— Эмма, — сказала она сквозь улыбку, качнув головой, — там ещё даже ничего не слышно, срок маленький...

Эмма подняла на неё взгляд, но не убрала руки, наоборот, чуть сильнее прижала ладони, словно это имело значение.

— А тётушке Эмме всё равно, — ответила она с той упрямой мягкостью, в которой уже чувствовалась привязанность.

— Я всё равно буду разговаривать.

В этот момент, несмотря на всё, что они только что узнали, несмотря на страх, который никуда не делся, в комнате впервые появилось что-то другое — хрупкое, тёплое, но настоящее.

Глава 3

Разговор, который ещё несколько минут назад казался невыносимо тяжёлым, постепенно начал менять своё звучание, в него осторожно, незаметно вплеталось что-то новое. Не облегчение, нет, до него было далеко, но уже и не та безысходность, с которой всё началось.

Эмма всё ещё сидела рядом с Лили, не убирая взгляда, в котором теперь смешивались тревога и тепло, и именно это странное сочетание заставляло её говорить уже иначе, не только из страха, но и из желания что-то сделать, не оставлять всё на уровне разговоров.

— Я хочу завтра вернуться туда, — сказала она, чуть тише, но уже увереннее.

— В ту кофейню.

Лили едва заметно напряглась, но не отвела взгляд.

— Думаешь, она снова там появится?.. — спросила она, и в её голосе прозвучала не наивная надежда, а осторожная, болезненная попытка зацепиться за любую возможность.

Эмма медленно покачала головой, не скрывая сомнений.

— Я не знаю... — честно ответила она.

— Но если это не случайность, если она действительно... там, в городе... значит, есть шанс, что мы сможем её снова увидеть.

Пауза повисла между ними, но теперь она уже не давила

так, как раньше, потому что в ней появилась цель.

— Я пойду с тобой, — тихо сказала Лили, и в этот раз в её голосе не было колебаний.

Итан чуть повернул голову в её сторону, но ничего не сказал сразу, только глубже вдохнул, как будто уже понимал, что спорить будет бесполезно.

Артур, который до этого молчал, наконец заговорил, и его голос вернул разговор в более рациональное русло:

— Я пока попробую найти что-то в бумагах, — сказал он, переводя взгляд с Эммы на остальных.

— Всё, что осталось от системы, от записей, от архивов... если Сара действительно была использована, это должно где-то отражаться.

Он говорил спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась привычная сосредоточенность, та самая, которая появлялась, когда он брался за дело.

— Нам нужно больше, чем просто случайная встреча, — добавил он.

Эмма кивнула, понимая, что он прав, но всё равно не отступая от своего решения.

— А мы попробуем найти её, — сказала она тихо.

И в этом «мы» уже не было одиночества.

Артур задержал на ней взгляд на секунду, а потом едва заметно кивнул, принимая это.

После этого он поднялся, и, сделав пару шагов, остановился рядом с Итаном, который тоже встал, будто заранее пони-

мая, что сейчас последует.

На секунду повисла короткая, почти неловкая пауза, но она тут же растворилась, когда Артур протянул руку.

— Поздравляю, — сказал он, и в его голосе впервые за всё время прозвучало что-то тёплое.

— Ты даже не представляешь, во что ввязался.

Итан усмехнулся, пожимая его руку.

— Подозреваю, что представляю... — ответил он, чуть покосившись на Лили, и в этом взгляде было столько мягкости, что слова стали второстепенными.

Артур хмыкнул.

— Нет, — сказал он с лёгкой улыбкой.

— Ты пока только думаешь, что представляешь. Настоящее начнётся, когда она начнёт управлять вами обоими.

Лили тихо фыркнула.

— Эй...

— Я серьёзно, — продолжил Артур уже чуть спокойнее.

— Но... — он на секунду замолчал, и в его взгляде появилась искренность.

— Это того стоит.

Итан кивнул, уже без улыбки, но с той уверенностью, которая не требует слов.

— Я знаю.

Эмма наблюдала за этим со стороны, и в груди вдруг стало теплее, потому что, несмотря на всё, что происходило, жизнь всё равно находила способ продолжаться.

Через несколько минут они с Артуром уже собирались уходить.

Эмма ещё раз обняла Лили, чуть крепче, чем обычно, точно это было не просто прощание на вечер, а попытка передать ей часть своей уверенности.

— Завтра, — тихо сказала она.

Лили кивнула.

— Завтра.

Когда дверь за ними закрылась, в доме снова стало тихо, но эта тишина уже не была пугающей.

Лили медленно выдохнула и повернулась к Итану, и в её взгляде снова появилась та самая уязвимость, которую она до этого прятала.

— Мне страшно, — призналась она тихо, не отводя глаз.

— Я правда боюсь... но я не смогу просто сидеть и делать вид, что ничего не происходит, если есть хоть малейший шанс, что мы можем её найти.

Итан не ответил сразу.

Он просто подошёл ближе и обнял её, осторожно, но крепко, словно этим жестом хотел закрыть от всего, что могло причинить ей боль.

— Тогда мы не будем делать вид, — сказал он тихо, касаясь губами её виска. — Я буду рядом.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть на неё, и в его взгляде не было ни сомнений, ни страха.

— И я буду защищать своих девочек.

Лили не удержалась и тихо рассмеялась сквозь остатки напряжения.

— Девочек? — переспросила она, приподняв бровь.

— С чего ты решил, что будет девочка?

Итан улыбнулся — спокойно, уверенно, как будто этот ответ был для него очевидным.

— Потому что я уверен, — сказал он, мягко проводя пальцами по её щеке, что наша дочь будет такой же красивой, как её мама.

Лили покачала головой, но в её глазах уже светилась та самая тёплая улыбка, которая делала всё происходящее немного легче.

И, несмотря ни на что, это был момент, за который стоило держаться.

Ночной воздух оказался прохладнее, чем Эмма ожидала, и, выйдя на улицу, она на мгновение задержалась у двери, словно пытаясь перевести дыхание и окончательно осознать всё, что только что произошло, потому что внутри всё ещё оставалось ощущение, что события развиваются быстро, не давая ей времени догнать их мысленно.

Артур остановился рядом, не торопя её, не нарушая этой короткой паузы, в которой она явно нуждалась, и только спустя несколько секунд тихо спросил:

— Ты как?

Эмма усмехнулась едва заметно, но в этой усмешке не было лёгкости, скорее попытка удержаться на поверхности.

— Не знаю, — честно ответила она, обхватывая себя руками, пытаясь собрать разбросанные внутри эмоции. — Такое ощущение, что всё сразу... и много.

Артур чуть кивнул, этот ответ был ожидаемым, а затем мягко коснулся её локтя, направляя к машине, не давя, но и не оставляя пространства для того, чтобы она снова замкнулась в себе.

Они сели внутрь, и на мгновение повисла тишина, уже знакомая, но не такая тяжёлая, как раньше, потому что теперь в ней было больше понимания, чем растерянности.

Машина тронулась с места, плавно выезжая на дорогу, и свет фонарей начал скользить по стеклу, отражаясь в глазах Эммы, которая снова повернулась к окну, но на этот раз не прячась за этим жестом, а просто позволяла мыслям идти своим ходом.

— Ты правда думаешь, что это возможно?... — спросила она спустя некоторое время, не поворачиваясь к нему, но зная, что он поймёт, о чём речь.

Артур не ответил сразу, его взгляд оставался сосредоточенным на дороге, но в этом молчании чувствовалось, что он обдумывает не сам вопрос, а то, как лучше на него ответить.

— Я думаю, что мы уже видели достаточно, чтобы ничего не исключать, — сказал он наконец спокойно.

— И, если это действительно та система... значит, они могли зайти гораздо дальше, чем мы предполагали.

Эмма медленно кивнула, хотя он этого не видел.

— Она выглядела такой... настоящей, — тихо сказала она.

— Но в то же время совершенно чужой.

Эти слова повисли в воздухе, и в них было больше боли, чем она пыталась показать.

Артур на секунду перевёл на неё взгляд.

— Ты уверена, что хочешь идти туда завтра? — спросил он, но в вопросе не было попытки остановить её, только желание убедиться, что она осознаёт, на что идёт.

Эмма повернулась к нему.

— Да, — ответила она сразу, без колебаний, но затем чуть тише добавила: — Я не смогу просто... ждать и ничего не делать.

Он кивнул, принимая это.

— Тогда мы пойдём вместе.

Эмма на секунду замерла, а потом едва заметно улыбнулась.

— Я и не сомневалась, — тихо сказала она.

Пауза снова заняла своё место, но теперь она была другой — не давящей, а почти спокойной, как перед чем-то важным, к чему уже нельзя не прийти.

Через несколько минут машина остановилась, и Эмма не сразу вышла, она не хотела обрывать этот момент, в котором,

несмотря ни на что, она чувствовала себя чуть устойчивее.

— Артур... — позвала она тихо.

Он повернул к ней голову.

— Спасибо.

Он не спросил, за что именно, потому что, судя по его взгляду, понимал и так.

— Я рядом, — сказал он просто.

Эмма кивнула, а затем, не раздумывая долго, наклонилась и коротко поцеловала его, точно это было не столько про романтику, сколько про уверенность в том, что, несмотря на всё, что их ждёт, она не одна.

Машина уже остановилась, двигатель тихо работал на холостом ходу, и в этой короткой паузе перед тем, как разойтись, снова повисло то самое молчание, которое больше не было тяжёлым, но всё ещё оставалось наполненным мыслями.

Эмма не сразу потянулась к двери.

Она смотрела вперёд, на тёмную улицу, освещённую редкими фонарями, но думала совсем о другом.

— Ты удивлен?.. — тихо спросила она, не поворачиваясь к Артуру.

Он на секунду перевёл на неё взгляд.

— Нет, — ответил он спокойно. — Но, если честно, то немного.

Эмма едва заметно усмехнулась.

— Почему?

Артур чуть пожал плечами, словно это было чем-то очевидным.

— Потому что такие вещи... — он на мгновение замолчал, подбирая слова, и его голос стал чуть мягче. — Они слушаются не тогда, когда всё идеально, а тогда, когда это действительно нужно.

Эмма медленно повернула к нему голову.

— Думаешь?..

Он кивнул.

— Думаю, да, — ответил он. — И, как бы всё ни было... дети — это, наверное, лучшее, что вообще может быть.

Эти слова прозвучали неожиданно просто, без пафоса, без лишних эмоций, но именно поэтому задели сильнее.

Эмма замерла, словно не ожидала услышать это именно от него, и в её взгляде появилось что-то новое — тихое, задумчивое.

Она никогда не думала об этом всерьёз.

— Я... — она чуть улыбнулась, но уже иначе, мягче.

— Я даже не знаю, представляю ли себя в этом.

Артур посмотрел на неё внимательнее.

— И не нужно сейчас представлять, — сказал он спокойно.

Эмма тихо выдохнула, с каким-то странным облегчением.

Эмма чуть наклонилась вперёд, но остановилась на долю секунды, словно давая себе последний шанс отступить.

Артур тоже не двинулся сразу, только его взгляд стал глуб-

же, внимательнее, как будто он хотел запомнить этот момент.

Когда их губы встретились, это не было резким или поспешным движением — наоборот, поцелуй получился медленным, тёплым, осторожным, они оба чувствовали, насколько важно это прикосновение именно сейчас.

Его ладонь мягко коснулась её лица, задержавшись на щеке, в этом жесте было больше нежности, чем слов, а Эмма на секунду закрыла глаза, позволяя себе пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.